

кого и т.д. Кто из нас не готов разделить надежду на то, что система образования сделается инфраструктурой будущей экономики как экономики знаний и высоких технологий?

Вместе с тем меня не вполне удовлетворяет язык, на котором столь отрадны идеи формулируются и отстаиваются.

Один из участников сегодняшнего нашего собрания (если захочет, пусть назовется) остроумно заметил, что у текста В. Суркова дискурс клипа. С одной стороны, мне это нравится: приятно видеть, когда политик высокого уровня понимает, что такое свободная метафора (скажем, метафора «интеллектуалы, для которых солнце восходит на Западе», или метафора «окно в Европу прорубалось такими средствами, которые нельзя назвать даже азиатскими, чтобы не посрамить Азию»). В атмосфере свободных, почти рекламных метафор свободно дышится. Нравится мне и ироническое отстранение от буквального смысла некоторых выражений и терминов (скажем, от самого термина «параграф», который включен в заголовок статьи).

С другой стороны, именно «дискурс клипа» меня не устраивает. На мой взгляд, сегодня существует повсеместная острая нужда в максимально однозначном социально-политическом тексте, содержащем как можно больше развернутых обоснований и доказательств. Это важно и из-за общего состояния наших массовых коммуникаций, и в силу некоторых особых обстоятельств. Я бы сказал, что мы дуреем от недостатка литературной вменяемости и от избытка игровой безответственности, которая по самому существу предполагается меткой метафорой и интеллигентским юмором. Мы дуреем от языка подмигивания и перемигивания, как когда-то говорил Мераб Мамардашвили. Нужна серьезная, если хотите, педантичная речь, и хорошо, если бы инициатива здесь исходила от наших президентских «речевиков».

Это особенно существенно в последние месяцы, когда стало ясно, что преемственность власти в нашей стране не будет преемственностью лица, а будет преемственностью проекта, плана или пути. Много зависит от того, насколько ясно, определенно и доказательно этот путь будет очерчен публицистически. В этой связи я очень желал бы Владиславу Юрьевичу подумать о каких-то других способах изложения своих завет-

ных идей. Мне кажется, сегодня совершенно необходимо выносить в прямой текст то, что обычно лежит в подтекстах интеллигентского намека, и уделить как можно больше внимания шепетильной, рациональной аргументации.

Я думаю, что в этом отношении Вам может быть полезен контакт с нашим Институтом как признанным центром методологической, логической и семантической культуры. Может быть, нам многого в этом отношении еще недостает, но всё-таки, если некоторые Ваши тексты Вы будете нам показывать не в состоянии литературной завершенности, а раньше, когда они ещё Вас самих смущают, то это будет обоюдополезно.

Не могу не заметить, что известные острые сомнения вызывают как раз те фрагменты «Параграфов...», которые представляются мне наиболее интересными. Вот небольшой раздел, который называется «Работа». Он эвристически ценен для всей социальной практики современной демократии, но одновременно именно он содержит в себе выражения, едва ли вообще уместные в устах демократа. Таковы — «сплоченная элита», политическое «интеллектуальное лидерство» и, наконец, «творческое сословие как ведущий слой нации». Перед нами язык меритократической аристократии, и очень печально, если концепция «суверенной демократии» будет им пользоваться. На мой взгляд, никакой сословной преэминентности в демократической элите быть не может, и во избежание недоразумений это надо оговаривать обстоятельно и четко.

В разделе «Работа» завязывается вся тема образования и демократизации образования. Глядя в будущее, мы вправе видеть в России страну, где наука и образование делаются решающими факторами ее конкурентоспособности. Охотно с этим соглашаюсь. Охотно принимаю следующую футуристическую констатацию: система образования — это, возможно, такая же инфраструктура экономики знаний, как трубопроводы для тепловой энергии нефти.

Но именно в этой связи у меня опять-таки возникают сомнения и несогласия. У Вас структура демократического образования рассматривается как изначально рыночная. Я думаю, что хотя образование непременно замыкается на рынок, в самой его организации рыночное начало, начало никак не ого-

вариваемой конкуренции, не может быть определяющим. И если что-то в традиции советской школы, и средней, и высшей, было цивилизованно значимым, так это осуществление начал... социалистического соревнования. Лозунги социалистического соревнования в производстве, в экономике были демагогией и туфтой, но им во многом отвечало то, что происходило в школе.

Это крупная тема, я ее помечу таким образом. Три очень разных, но все-таки, на мой взгляд, самых выдающихся педагога советского времени (я имею в виду Макаренко, Сухомлинского и Соловейчика), сходились в одном интересном тезисе: они считали, что подлинным критерием достоинств учебно-воспитательного коллектива является уровень воспитанных им троечников. Когда-то у Богданова в его тектологии («организационной науке») было сформулировано очень любопытное правило: насколько быстро движется сплоченная группа, определяется тем, насколько быстро могут идти самые слабые ее участники.

Как пожилой человек я часто вспоминаю одну удивительную вещь: на всех этажах советского образования, даже в сталинское время (и, может быть, особенно в сталинское время, при всех других дефектах, о которых много говорилось и еще больше надо говорить) действовало правило помощи отстающим. Эта помощь была эффективна и важна не только для самих отстающих, но и для тех, кто их за собой вел.

Сохранение профессиональной политической элиты вообще возможно только благодаря методичному (с начальных классов школы практикуемому) противостоянию элитарности. Обязательное условие стабильного политического профессионализма — это сменяемость демократической элиты как элиты по определению выборной. Понимание данного обстоятельства, может быть, ни в чем не проступает так отчетливо, как в поведении нынешнего Президента. Твердость, которую он проявляет в отстаивании конституционного требования сменяемости всякого выборного должностного лица — в уже обнародованном отказе от недемократического «третьего срока» — вот что, на мой взгляд, может стать самой значительной из многих его заслуг. Суверенность главы суверенной демократии едва ли может быть продемонстрирована сегодня каким-либо иным политическим актом.

Т.И. Ойзерман

О РОССИЙСКОЙ НАЦИИ И НАУКЕ КАК ГЛАВНОЙ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОЙ СИЛЕ

Мне этот доклад представляется некоторой системной совокупностью тезисов. Каждый из этих тезисов может и, наверное, должен быть развернут в форме статей или разделов книги, или еще большего доклада. Во всяком случае, это некоторая идеологическая платформа, не буду употреблять слово «манифест», хотя кое-что есть и от этого.

Но, прежде всего, мне понравилось разъяснение простой вещи относительно суверенной демократии. У нас так много болтали в повседневной печати об этом, что это тавтология, что это плеоназм и т.д., между тем, как это понятие широко употребляется в зарубежной печати. И автор доклада уместно приводит высказывания государственного секретаря Соединенных Штатов Америки и председателя Комиссии Евросоюза Проди, которые спокойно говорят о суверенной демократии, потому что это никакая не юридическая новация, это просто разъяснение смысла понятия демократия.

Второе, что мне очень по душе, это то, что автор высказывается, хотя не вполне определенно, но все-таки высказывается за так называемую плюралистическую демократию, а не за мажоритарную. Суть дела ведь в том, что маленькие партии, у нас таких 3, 4, а может быть и больше, я не знаю, сколько их, знаю, что они не проходят в наш парламент, хотя набирают, то 3%, то 4%, а то и 5%. А сейчас планку установили уже 7%, если не ошибаюсь. Значит, ни одна из них не пройдет. А в сумме-то

они ведь наберут процентов 20 голосующих граждан. 20% электората — это значительное количество взрослых людей, с которыми надо считаться, которых надо уважать и принимать во внимание их пожелания. Если бы моя воля была в этом деле, я бы вообще установил, что если набрали вы 2%, вам и дадут 2% в парламенте, набрали 3%, получите 3% в парламенте и т.д. А во все не так, чтобы была обязательная заградительная планка.

Мне очень понравилось, по многим причинам, то, что автор доклада говорит о российской нации как сверхэтническом образовании, т.е. охватывающем все народы нашей многонациональной Родины. И это, собственно, опять не какая-то новация, хотя для нас это — новация. Во Франции белые, черные, желтые граждане — все именуются французами. Я уже не говорю о Соединенных Штатах. Почему же у нас не может быть также, хотя у нас еще в советские времена была провозглашена и действительно существовала дружба народов, исключаящая позорную ксенофобию. Так было. Так и ныне должно быть. Правда, понятие российской нации довольно трудно перевести на другие языки, потому что всюду получается «рюс», т.е. русский, но можно: скажем, сказать «насьон де рюс». Это значит россиянин.

В этом докладе много говорится об интеллектуальном ресурсе, но мне кажется, что понятие ресурса требует некоторого логического расчленения. Скажем, нефть 100 лет назад не была ресурсом, потому что она никому не была нужна. Когда она стала нужна, она стала ресурсом. То же самое относится ко многим другим вещам. В нашей необъятной Родине большая часть воздушного пространства еще не является ресурсом, большая часть нашей земли также еще не является ресурсом. Значит, для того, чтобы они стали ресурсами, они должны быть прибраны к рукам, они должны сделаться тем, чем производительно пользуются.

Я подхожу тем самым к вопросу об интеллектуальном ресурсе. Примерно года 2 или 2,5 назад в «Известиях» я прочел коротенькое сообщение, (жалко, что коротенькое), что Президент Российской Академии наук докладывал Президенту страны В.В.Путину о том, что у нас имеется свыше 400 научно-технических разработок, однако, лишь небольшая часть из этих разработок пошла в дело. Это опять таки вопрос о ресурсах.

Интеллектуальный ли это ресурс или нет, нужна ли нашей стране всесторонне развитая наука или не нужна? И на последнем собрании Академии наук опять академик Осипов докладывал, столько сделано научно-технических открытий, столько изобретений. Фактически, получился большой доклад на эту тему, собственно, о фундаментальных теоретических исследованиях он говорил немного. Да это и понятно, ведь большая часть членов академии занимается фундаментальными прикладными исследованиями, в значительной своей части оборонными. И президент Российской академии наук докладывает, какие из этих научно-технических разработок и открытий востребованы предприятиями. Таких меньшинство. Он также указывает на то, что ряд академических открытий и научно-технических разработок нашли понимание на Западе, а у нас пока еще нет. Наши производственники зачастую оказываются консервативными. Как это преодолеть? Ведь это застарелая, хроническая хвороба.

Мне думается, что вопрос об интеллектуальном ресурсе надо поставить более жестко, определенно, категорически. У нас, правда, говорят и пишут об экономике знаний. Я бы выразился более определенно, честно. Я бы сказал: наука — **главная** производительная сила. Нет более важной, более мощной производительной силы, чем наука. С тех пор, как в прошлом веке началась научно-техническая революция, которая продолжается и по сей день, с тех пор, как создали атомные реакторы, ракетные двигатели, компьютеры, современные самолеты, нанотехнология, каждому должно быть ясно, что все это воплощение науки, ее произведения. Почему же наука все еще рассматривается как некая, отнюдь не первостепенная отрасль, которая не заслуживает больше, чем 1,5% бюджета? Может быть, она, действительно, не заслуживает, если ею не пользуются. Это дело другое. Но если ею не пользуются, давайте, выясним, кто же виноват в этом, наука или кто-то другой.

Мне еще хочется сказать о том, что в докладе есть приятное чувство юмора, чувство иронии, какое-то внутреннее сознание самокритичности что ли. Мне понравилась такая фраза: пока же велики не столько достигаемые цели и утверждаемые ценности, сколько цены на углеводородное сырье. Но это

не единственная фраза, которая показывает, что автор с иронией воспринимает некоторые вещи и, действительно, их надо воспринимать с иронией.

Мне на днях попала книга президента Ассоциации банков Тосуняна. Она называется «Год великого перелома». Я стал листать эту книгу. Оказывается, было постановление, было какое-то решение Государственного совета о банках, и Тосунян был так воодушевлен этим, что решил, что раз есть такое постановление, значит, действительно, будет великий перелом, значит, как он пишет, произойдет «банкизация» всей страны. А у нас ведь 70% населения не имеют банковского счета, например, в Сбербанке, так как живут от полочки до полочки. Конечно, я понимаю энтузиазм Толуняна. Наверное, он все сделает, чтобы так и было, как сказано, но, с другой стороны, я боюсь, что это постановление, как и многие другие, останется постановлением, **только** постановлением. И я опасаюсь, что некоторые плодотворные тезисы, которые в этом докладе высказаны и которые заслуживают того, чтобы получить какое-то законодательное оформление, хотя бы тот же вопрос о российской нации, так и останутся Вашими тезисами, которые очень радуют нас, но должны стать чем-то бульшим, чем тезисы. Спасибо.

В.Г. Федотова

СУВЕРЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ МОДЕРНИЗМА

Нас удивляет и радует такой формат встречи, и я понимаю, что концепция суверенной демократии возникла как реакция на ряд процессов, которые проходили в обществе и которые можно было преодолеть, найдя некие формулы идеологического характера и формулы политического проекта. Прежде всего, это реакция на козыревскую внешнюю политику, оранжевые революции. Наша помощь американцам в Афганистане оказалась не оцененной должным образом. Еще не успели остыть трупы на улицах Кандагара, а нас уже не приняли в НАТО, хотя Блэр это предлагал, Буш вышел из договора о противоракетной обороне, затем война в Ираке. Сыграли роль национальные цели России, которая стремится подняться, занять место в мире, цели власти, связанные с менеджментом российских транснациональных компаний, выходом наших компаний в глобальную экономику. Все это заставляло искать новые слова для демократии в России, которая имеет еще и национальные цели, то есть стремится также к сохранению идентичности, но, вместе с тем, к открытости миру. В термине «суверенная демократия», таким образом, глобальные процессы связывались с правом на национальное самоутверждение.

Конечно, обсуждаемый текст не является сугубо теоретическим, и я бы хотела порассуждать о теоретическом контексте этой концепции и ее развитии. До начала глобализации Россия и другие страны развивались по модели догоняющей модерни-

зации. Запад был единственным образцом развития, и, начиная с Петра I, мы шли за этим образцом, хотя тема суверенности постоянно существовала, и Россия была страной, которая никогда не была колонизирована.

Но когда началась глобализация 90-х, многое изменилось, потому что в этой второй глобализации, когда коммунизм распался, произошла победа либерализма в глобальном масштабе. Капитализм стал мировой системой, появилось много новых стран, в которых задействованы капиталистические механизмы хозяйствования, и много стран, которые перешли к капитализму или к хозяйственной демократии. Для самого Запада вопрос о том, как выращивать в этих странах субстанцию, адекватную его собственной, просто отпал. Запад оказался уже не в состоянии предложить всему миру свою модель демократии и развития. Скорее, Запад был соблазнен тем, что он может получать прибыль в этих странах.

Поэтому модернизация, которая в качестве догоняющей была как бы двусторонним процессом, с одной стороны, стремлением демократических элит к преобразованию по образцу Запада, а, с другой стороны, стремлением Запада поддержать эти элиты, просто стала неосуществимой. Ведущие теоретики модернизации, такие, как Ш.Айзенштадт, С.Хантингтон, Д.Харрисон и многие другие сегодня показали, что Запад утратил статус единственного образца развития. Есть книги о множестве глобализаций, о множестве модернизаций, о значении культуры в глобализациях и модернизациях, о национальной модели модернизации, которая пришла на смену догоняющей модели. Термин «национальная модель» употребляется здесь в смысле гражданской нации, где интересы определенного государства и определенной нации представлены как интересы гражданской общности.

Получается, что сегодня антиномия почвенников и западников утрачивает значение. Согласно национальной модели модернизма существует как открытость и высокий уровень вестернизации, так и стремление понять границы освоения чужих моделей и попытка решать собственные задачи собственными методами. Пример национальной модели модернизации — китайская модель. Я делала доклад в Китае среди специалистов, и китайские уче-

ные согласились с этим, хотя им было трудно, потому что их идеологема — «социализм с китайской спецификой», в общем-то, официальная. Им было нелегко сказать, что это национальная модель модернизации. Но они мне это сказали.

И сегодняшний пестрый мир включает западный постиндустриальный капитализм, перенесенные на Восток, в Азию центры индустриального развития, а также страны сырьевой ориентации. Запад своими информационными технологиями выполняет роль менеджера мирового капитализма. И что получается? Получается, что всюду проникает капитализм, но этот капитализм уже не может быть всецело ориентирован на западный образец. Он — свой собственный, я его называю — автохтонный, местный. Многие сразу «кидаются» на меня и говорят, ты хочешь, чтобы капитализм был автохтонный, чтобы демократия была автохтонной. Я повторяю, что это снимает как раз противоречия между почвенной и западной ориентациями. Трактовка модели модернизации как национальной модели сегодня говорит, что принцип суверенности олицетворяет, как бы второе дыхание Вестфальской системы национальных государств. Он возникает, вопреки ожиданиям, в условиях глобализации. В новых индустриальных странах Азии можно видеть принцип ограничения капитализма культурой. Многие страны используют капитализм как механизм, так, как они используют «Мерседес». Они пытаются оградить общество от его разрушающего или слишком меняющего социум развития. Китайцы на пути этого механизма поставили ценности их пятитысячелетней цивилизации, а так же политическую коммунистическую систему. В Южной Корее тоже происходит нечто подобное — играют роль конфуцианские и коллективистские ценности.

Мне кажется, термин «суверенная демократия» — это концепт, который может быть частью национальной концепции модернизации. Хотя это политический проект, идеологема, но без этих теоретических рамок остается немножко ощущение его выдуманности. Как работающий в теоретических рамках, он обретает большую ценность. Но что при этом может произойти?

Может произойти то, что мы потеряем всякое различие между демократией и недемократией, говоря, что она суверенная; между национальным капитализмом и совсем некапита-